

УДК 94(571.5):2-463-055.2"18/19"

DOI: 10.18324/2224-1833-2025-2-125-132

Женская благотворительность в формировании социокультурной среды Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в.

С.Г. Злотникова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, ул. Ленина, 92, г. Абакан, Россия

svetlana-zlotnikova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0931-4423>

Статья поступила 07.05.2025, принята 21.05.2025

Статья посвящена проблеме женской благотворительности в формировании социокультурной среды Енисейской губернии. Хронологические рамки охватывают конец XIX – начало XX в. Этот период ознаменован широким размахом благотворительности в Сибири, чему способствовало ускорение экономического роста сибирской провинции, формирование торгово-промышленного капитала и коммерческой деятельности местного гильдейского купечества. Оживление благотворительной деятельности стимулировало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Отмечается, что в этот период увеличивается и число жертвователей, в их числе немало женщин-благотворительниц. Первая мировая война кардинально изменила жизненный уклад населения дореволюционной России, в том числе и сибиряков, что отразилось на осуществлении благотворительной помощи. Исследование основано на материалах фондов Государственного архива Красноярского края и Минусинского городского архива. На примере представленных в работе сюжетов благотворительности конкретных женщин Енисейской губернии раскрыты и определены трудности, успехи и противоречия их деятельности. Отмечаются благотворительные акции для народного образования, здравоохранения Клавдии Степановны Колобовой. Солидные пожертвования на ниве церковной благотворительности, оказания помощи бедным жителям г. Красноярска при несчастных случаях: пожарах, наводнениях, неурожаях – делала У. Ф. Токарева. Щедрое пожертвование на социальные нужды сибирской провинции выделяли также благодетельницы из других сословных групп, в частности меценатки Татьяна Качалова и Евдокия Турова. В заключение отмечается большое значение благотворительной деятельности в судьбе самих женщин – благотворительниц Енисейской губернии и существенное влияние благотворительности на их положение в обществе.

Ключевые слова: женская благотворительность, благотворительная деятельность, Енисейская губерния, филантропия, пожертвования.

Women's charity in the formation of the socio-cultural environment of the Yenisei province in the late XIX – early XX century

S.G. Zlotnikova

Khakass State University named after N.F. Katanov; 92, Lenin St., Abakan, Russia

svetlana-zlotnikova@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0931-4423>

Received 07.05.2025, accepted 21.05.2025

The article is devoted to the problem of women's charity in the formation of socio-cultural environment of Yenisei province. The chronological framework covers the late XIX - early XX century. This period was marked by a wide scope of charity in Siberia, which was promoted by the acceleration of economic growth of the Siberian province, the formation of trade and industrial capital and commercial activities of local guild merchants. The revival of charitable activity was stimulated by the construction of the Trans-Siberian railroad. It is noted that during this period the number of donors increased, among them there were many women philanthropists. The First World War radically changed the way of life of the population of pre-revolutionary Russia, including Siberians, which affected the realization of charitable assistance. The study is based on the materials of the funds of the State Archives of Krasnoyarsk Krai and Minusinsk City Archives. On the example of the stories of charity of specific women of Yenisei province presented in the work the difficulties, successes and contradictions of their activities are revealed and defined. Charitable actions for public education and health care of Klavdia Stepanovna Kolobova are noted. Also, U.F. Tokareva made solid donations in the field of church charity, assistance to the poor residents of Krasnoyarsk in such calamities as fires, floods, crop failures. Generous donations for the social needs of the Siberian province were also allocated by benefactresses from other class groups, in particular burghers Tatiana Kachalova and Evdokia Turova. In conclusion, the great importance of charitable activities in the fate of women benefactors of the Yenisei province and the significant impact of charity on their position in society are noted.

Keywords: women's charity, charitable activities, Yenisei province, philanthropy, donations.

Введение. Социокультурное развитие Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. заметно отставало от центральных регионов дореволюционной России.

Солидный ресурс в социокультурном преобразовании сибирской провинции нередко представляла благотворительность. Благодаря почину подлинных филантро-

пов в Приенисейском крае открывались учебные заведения и культурно-просветительные учреждения (музеи, библиотеки и пр.), а их содержание зачастую осуществлялось на многочисленные частные пожертвования. Кроме того, за счет благотворительных средств поддерживалось существование значительного числа социальных учреждений Енисейской губернии (богадельни, приюты, сиропитательные дома и т.д.). В ряду известных сибирских меценатов и пожертвователей почетное место занимали женщины Енисейской губернии. Так, филантропическая деятельность В.А. Баландиной, Т.И. Щеголевой, М.А. Гусевой, И.С. Токаревой и многих других оставила заметный след в развитии социокультурной среды сибирских окраин.

Целью данной статьи является изучение роли женской благотворительной деятельности в социокультурном развитии Енисейской губернии.

Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

- выявить малоизвестные сюжеты благотворительной деятельности конкретных сибирских благодетельниц;
- оценить вклад женской благотворительности в социокультурном развитии сибирских окраин в конце XIX – начале XX в. на примере отдельных территорий Енисейской губернии.

Активное изучение вопросов благотворительности, филантропии и меценатства началось в конце 1980–1990-х гг. В дореволюционной литературе так называемая «женская тема» освещалась односторонне. В основном преобладали работы, посвященные проблемам равноправия мужчины и женщины, вопросам высшего женского образования в Российской империи, повышения общественного статуса женщины и т.д. (см., например, труды М.Л. Михайлова [1], В.М. Хвостова [2]).

В Сибири одними из первых к «женской теме» обратились областники. В частности, Н.М. Ядринцев, лидер сибирского областничества, в своем монументальном труде «Сибирь как колония...» предлагал для решения такого острого вопроса, как дефицит квалифицированных кадров в регионе, в сферу культуры и образования активно привлекать женщин [3]. Отдельные аспекты «женского вопроса» в дореволюционной сибирской историографии затрагивали и другие авторы. В частности, исследование, посвященное проблеме женского образования в Сибири, представлено в работах Н.Н. Бакая [4] и П. Головачева [5].

В советский период проблема женской благотворительности, по существу, не изучалась. Актуальной являлась тема участия женщин в революционном движении. «Женская тема» не являлась главным вопросом исследования, она лишь вскользь затрагивалась или попутно освещалась в контексте изучения темы исследования самого автора [6].

Настоящий прорыв в изучении вопроса дореволюционной благотворительности в России произошел в конце 1990-х гг. Солидный вклад в разработку данной проблематики внесла Г.Н. Ульянова, являясь, по сути, одним из первых исследователей истории благотворительной деятельности. Ее перу принадлежит первый обобщающий труд, посвященный вопросу благотворительности в Российской империи в XIX – начале XX в. [7].

Тогда же, в постсоветский период, научный интерес к теме благотворительной деятельности в дореволюционной России впервые проявили зарубежные исследователи. Особого внимания заслуживают исследования А. Линденмайер, посвященные проблеме вовлечения женщин в общественную жизнь. Американский профессор истории, будучи пионером в исследовании вопроса женской благотворительности в дореволюционной России, в 1993 г. рассмотрела значение филантропической деятельности женщин в Российской империи [8].

В современной сибирской историографии следует отметить монографию П.Н. Мешалкина, посвященную меценатству и благотворительности сибирского купечества. На ее страницах представлен богатый фактический материал о пожертвованиях в пользу народного образования и развития науки сибирской провинции, о благотворении в культурно-духовной сфере региона, о филантропической деятельности общественных организаций и частных лиц. Помимо ценных сведений о пожертвованиях сибирских купцов, в монографии П.Н. Мешалкина раскрываются сюжеты и женской благотворительности в Енисейской губернии. В частности, на страницах данного издания представлены материалы о солидных и многочисленных пожертвованиях Т.И. Щеголевой, А.Ф. Кузнецовой, А.М. Сибиряковой, В.А. Баландиной и др. [9]. Для исследователей представляют интерес очерки по истории благотворительности в Сибири коллектива новосибирских авторов [10].

В ряду современных научных работ, посвященных вопросу «женской истории» в Сибири, значительный информационный материал содержит кандидатская диссертация красноярского историка О.М. Долидович. В ней автор обстоятельно рассмотрел историю женского движения в Сибири в пореформенный период и «процесс вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь региона» [11, с. 20]. По мнению О.М. Долидович, «частная благотворительность являлась наиболее распространенной формой участия сибирячек в общественной жизни региона» и, на наш взгляд, с данным утверждением трудно не согласиться [11, с. 20].

Методологическую основу исследования составляет гендерный подход. Дело в том, что патриархальная организация общества в Российской империи определяла приоритет мужского начала в большинстве сфер общественной жизни той эпохи. Зачастую уделом женщины являлась забота о семье и домашнем хозяйстве. Нормой женского поведения считалось полное подчинение мужчине, исходя из чего и сложился стереотип так называемой социальной пассивности женской части населения в дореволюционной России. Однако в конце XIX – начале XX в. благотворительность предоставила женщинам возможность выхода из общественного забвения и, как показывает исследование, на ниве благотворения женщины проявили себя так же активно, как и мужчины Российской империи.

Помимо того, в статье использована теория ментальности, разработанная А.Я. Гуревичем. На наш взгляд, филантропия, милосердие и благотворительность составляют основу особого мировоззрения индивидов, которое определяет человеколюбие и гуманное отношение к ближнему. Более всего с филантропиче-

ской ментальностью соотносится женское начало, поскольку женщина – это мать, хранительница семейного очага, верная супруга и соратница и прежде всего ее добродетель может составлять основу благотворительной деятельности. По нашему мнению, применение гендерного подхода в сочетании с теорией ментальности представляется весьма целесообразным для данного исследования и поможет представить объективную значимость женской благотворительности в социально-культурном развитии сибирских окраин.

Новизна работы заключается в попытке рассмотреть и проанализировать потенциальные возможности, масштабы и объективные результаты благотворительности конкретных женщин Енисейской губернии. Применение ретроспективного анализа к проблеме исследования и привлечение новых архивных материалов о сибирских благотворительницах, впервые введенных в научный оборот, помогли автору оценить вклад филантропической деятельности женщин в дело социально-культурного развития провинциальной Сибири. По мнению О.М. Долидович, «основу формирования общественной активности» сибирячек составляла благотворительность. Будучи «своеобразной формой продолжения светской жизни», она осуществлялась «в рамках устройства социальных учреждений для взрослых и детей», но «более востребована была в форме поддержки социально-культурных проектов», – отмечает исследователь [11, с. 20].

На данном поприще в Енисейской губернии женщины нередко делали пожертвования, особенно в пользу несовершеннолетних. Ярким примером тому являлась филантропическая деятельность Красноярского приюта арестантских детей. Здесь находили убежище дети арестантов всех тюрем Енисейской губернии в случаях, когда после ареста одного или обоих родителей малолетние оставались без надзора и средств к существованию. Количество детей в приюте, по мере освобождения их родителей из-под стражи, постоянно менялось, но среднее число подопечных социального учреждения составляло 50 человек в год. Основная цель приюта состояла в том, чтобы накормить, одеть призреваемых сирот и дать им хотя бы некоторое образование [12, л. 4]. Государство выделяло казенное пособие на содержание несовершеннолетних Красноярского приюта арестантских детей, и оно составляло «три копейки на человека в день» [12, л. 4]. Кроме того, от Красноярского губернского комитета приют получал ежегодную субсидию в размере 1000 руб. [12, л. 4]. Однако расходы социального учреждения, по данным 1893 г., составляли от 4 до 5 тыс. руб. в год, поэтому ассигнованных казенных средств было крайне мало [12, л. 4]. Правление Красноярского приюта арестантских детей нередко обращалось за помощью к частным благотворительным силам, благодаря которым возникло и продолжало существовать данное учреждение.

Обычной практикой приюта являлось объявление сборов в виде «посильных личных денежных или вещественных пожертвований» [13, л. 1]. Зачастую щедрая благотворительная помощь на нужды арестантских детей сибирских окраин поступала от енисейского купечества, в том числе и женщин-филантропов. Активное участие в сборе пожертвований в пользу Краснояр-

ского приюта арестантских детей принимала купчиха 2-й гильдии Клавдия Степановна Колобова, проживавшая в с. Каратузском Сагайской волости Минусинского округа (с 1898 г. – уезда). После кончины супруга Михаила Никитича Колобова в конце 1880-х гг. она управляла торговым домом, винокуренным и ректификационным заводами. В 1891 г. она «взяла на себя труд по сбору посильных пожертвований между местными обывателями, знакомыми, служащими» на нужды Красноярского приюта арестантских детей [13, л. 9]. Благодаря усилиям К.С. Колобовой в пользу социального учреждения губернского города было собрано благотворительных средств на сумму более 31 руб. [13, л. 10].

Большое значение представляли ее благотворительные акции и для народного образования сибирской провинции. С 1880 г. она входила в состав Попечительного совета Минусинской женской прогимназии и являлась постоянным членом Общества попечения о начальном образовании. Кроме того, К.С. Колобова нередко жертвовала на нужды г. Минусинска, в котором родилась и выросла, солидные суммы денежных средств. Например, на нужды уездного города она пожертвовала 600 руб., которые поступили в городскую кассу Минусинска в декабре 1900 г. [14, л. 2].

Безусловно, благотворительные инициативы Клавдии Степановны представляли определенную значимость в разрешении острых социальных вопросов местного уровня, однако порой для успешного завершения ее «добрых начинаний» требовались неимоверные усилия и очень длительное время. Так, 10 августа 1905 г. она «изъявила желание пожертвовать ... под лечебницу 4-го врачебного участка Минусинского уезда, принадлежащий ей в с. Каратузском одноэтажный на каменном фундаменте деревянный дом с флигелем, амбарами и надворными постройками» [15, лл. 1, 45]. Здание было «выстроено 25 лет тому назад и стоило около 11 000 руб.» [15, л. 1 об.]. Врач 4-го участка Минусинского уезда Енисейской губернии Николай Федорович Николаевский в отношении пожертвования К.С. Колобовой отмечал, что «сами по себе дома и прочие постройки сделаны из очень прочного материала, но так как они давно не ремонтировались, то некоторые их части обветшали» [15, л. 1 об.]. В частности, «крыша на доме, на флигеле и амбарах, полы во флигеле и подвал» требовали ремонта. Кроме того, «канатка в доме ослабела» и, как следствие, «дом и флигель плохо удерживают тепло», поэтому «чтобы воспользоваться этими строениями для жилья, а тем более для лечебницы на продолжительное время необходим капитальный ремонт и некоторые переделки применительно к потребностям лечебницы» [15, л. 1 об.]. По оценке подрядчика-плотника Демина, который составил примерную смету на ремонт пожертвованного К.С. Колобовой дома, общая стоимость ремонтных работ составляла около 4 000 руб. и «после такого ремонта строение должно быть очень теплым и вполне годным для жилья в течение 10-15 лет» [15, л. 2].

Необходимо отметить, что пожертвованный К.С. Колобовой дом с очень большим двором занимал почти половину квартала, был расположен в центре с. Каратузского на возвышенном месте Церковной площади [15, л. 2-2 об.]. Здание «можно было считать

образцовым по сравнению с существовавшими на тот момент в Енисейской губернии участковыми лечебницами», но в том-то и состояли трудности по его использованию для целей местной лечебницы. По мнению участкового врача Н.Ф. Николаевского, «содержание такого большого здания» в с. Каратузском Минусинского уезда «потребует увеличение расхода на отопление, освещение и прочее», что осуществлять на мизерные казенные средства и содержать лечебницу в предлагаемом здании «без хронических дефицитов» не представлялось возможным и целесообразным [15, л. 3]. Только при условии капитального ремонта пожертвованного К.С. Колобовой здания и увеличения государственного ассигнования на его содержание предлагаемое недвижимое имущество могло быть использовано в качестве лечебницы в с. Каратузском.

Кроме того, в отношении пожертвованного минусинской купчихой здания предстояло решить и земельный вопрос. Участок земли, на котором находился дом К.С. Колобовой, принадлежал Каратузскому сельскому обществу, которое «за эти усадебные места» получало арендную плату в размере 25 руб. в год [15, л. 27]. В январе 1905 г. врачебное отделение Енисейского губернского управления обратилось к Каратузскому сельскому обществу с предложением о «бесплатной уступке в казну усадебной земли, занимаемой в с. Каратузском постройками К.С. Колобовой и жертвуемыми ею под сельскую лечебницу» [15, л. 25]. «При этом необходимо предупредить общество, что прием жертвуемого Колобовой дома может быть при условии отвода усадебной земли, находящейся под постройками» только на бесплатной основе», – сообщалось в обращении врачебного отделения Енисейского губернского управления к Каратузскому сельскому обществу [15, л. 25 об.]. По решению общественного приговора Каратузского сельского общества от 7 мая 1906 г. было принято решение «уступить в безвозмездное пользование усадебную землю, находящуюся под домом Клавдии Колобовой, который она пожертвовала под местную лечебницу», но с условием, «чтобы в этом доме объявлена была только лечебница и не сдавать его частным лицам» [15, л. 25 об.].

Несмотря на отсутствие препятствий со стороны властей к принятию пожертвования К.С. Колобовой, лечебница 4-го врачебного участка в с. Каратузском Минусинского уезда так и не была переведена в дом благотворительницы вплоть до 1909 г. По архивным данным 1908 г., «... дом от Колобовой принят и находится в ведении врача 4-го участка», но «... здание несмотря на свою обширность без ремонта и приспособления не пригодно для лечебницы». Согласно смете, утвержденной Строительным отделением губернского управления в 1908 г., на ремонт и приспособление дома для нужд лечебницы требовалось немногим более 8 292 руб. [15, л. 32–32 об.]. И далее история развивалась таким образом.

В 1905 г. Министерством финансов было предписано Енисейской казенной палате «отпустить 8 000 руб. на покупку дома Барсуковой для лечебницы в с. Ермаковском Минусинского уезда (5-й врачебный участок)». Однако предполагаемая покупка дома Барсуковой не состоялась, а в апреле 1908 г. «дом этот по неиз-

вестной причине сгорел», а лечебница была переведена «в дом крестьянина Михаила Власова» [15, л. 32]. Енисейский губернатор просил разрешения 8 000 руб., ассигнованные на покупку дома Барсуковой в с. Ермаковском, употребить на ремонт и приспособление дома, пожертвованного К.С. Колобовой для лечебницы в с. Каратузском [15, л. 32 об.]. В ответ на его ходатайство Управление строительной и дорожной частями при Иркутском Генерал-губернаторе в июле 1909 г. уведомляло: «означенные 8 000 руб., разрешенные к расходованию в 1905 г. на содержание сельско-врачебной части по смете земских повинностей на трехлетие 1903–1905 гг.» ввиду завершения периода и закрытия названной сметы не могут быть использованы на обозначенный предмет [15, л. 58 об.].

В ноябре 1909 г. к врачу 4-го участка Минусинского уезда Енисейской губернии Семену Моисеевичу обратилась сама благотворительница (К.С. Колобова) с просьбой посодействовать «скорейшему осуществлению ее желания – устройства лечебницы в пожертвованном ею доме, так как он приходит в ветхость и разрушается» [15, л. 43]. Проведя очередной внимательный осмотр здания, переданного К.С. Колобовой для устройства в нем сельской больницы, участковый врач составил весьма подробное описание недвижимости: «Осмотренный дом мною найден вполне пригодным для помещения в нем лечебницы. В нем имеются 8 больших высоких комнат, из них 5 на солнечной стороне, составляющей фасад дома, имеется 11 окон. Эти 8 комнат могут быть отведены под «смотровую», аптеку, кабинет врача, перевязочную, операционную и 3 комнаты под палаты для стационарных больных. Здесь же имеется еще небольшая комната, пригодная для ванной, комната для прислуги и кухня. К дому примыкает небольшой флигель, который можно приспособить для заразных больных. При доме имеется большое дворовое место с надворными постройками и садиком» [15, л. 43 об. 44]. По мнению Семена Моисеевича, для использования дома К.И. Колобовой в качестве лечебницы с. Каратузского требовалось «сделать относительно небольшой ремонт в поправке крыши, потолка, печей, заделки или прорубки одного-другого окна, двери, покраски и побелки», который «по приблизительному расчету обойдется в одну тысячу рублей» [15, л. 43 об.].

Решающее значение в деле устройства лечебницы в с. Каратузском представляло ее реальное положение на 1909 г. Она помещалась в наемном доме мещанина Дорофеева с оплатой по 300 руб. в год. [15, л. 44 об.]. Срок контракта с Дорофеевым истекал 31 декабря «будущего» 1910 г. «Если к этому времени пожертвованный дом не будет отремонтирован и приспособлен для нужд лечебницы, то придется возобновить контракт на 3 года. По мнению участкового врача Семена Моисеевича, если даже К.С. Колобова и не захочет воспользоваться своим правом взять дар обратно, в течение этого времени пожертвованный дом разрушится настолько, что уже потребуются основательный и дорогой ремонт [15, л. 44–44 об.]. Дело в том, что Клавдия Степановна при пожертвовании дома для устройства в нем лечебницы в с. Каратузском обозначила следующее условие: «если лечебница не будет устроена в течение трех лет,

то я оставляю за собой право дар этот взять обратно» [15, л. 45]. Означенное требование минусинской купчихи и имел в виду участковый врач. Однако К.С. Колобова весьма сочувственно относилась к постановке медицинского дела в родном селе. «Прошло ... около 4-х лет и я к великому огорчению по возвращении из Европейской России увидела, что лечебница в с. Каратузском по-прежнему в наемном доме, а пожертвованный мною для этой цели пустует и разрушается», – сообщила Клавдия Степановна в своем письме врачу 4-го участка Минусинского уезда Енисейской губернии [15, л. 45]. К.С. Колобова ни в коей мере «не помышляла воспользоваться правом обратного его получения», для благотворительницы превыше всего было довести начатое дело до его успешного завершения. Минусинская купчиха не понаслышке знала, какую серьезную проблему представляла недоступность медицинского обслуживания для населения сибирских окраин и очень надеялась найти поддержку в лице компетентного в вопросах здравоохранения участкового врача Семена Моисеевича. Можно себе представить, как тяжело было им обоим наблюдать за неизбежным разрушением здания, которое могло приносить существенную пользу сельским жителям в деле организации медицинской помощи на сибирских окраинах.

По архивным данным 1910 г., дом, пожертвованный К.С. Колобовой под лечебницу в с. Каратузском, так и не был отремонтирован и приспособлен к нуждам сельской больницы, стоял пустым и продолжал разрушаться. «... небольшой флигель, примыкающий к дому, крайне ветх и ремонтировать его трудно и не представляется надобности, так как в нем нет нужды. От продажи его, равно как и части амбаров, для лечебницы совершенно непригодных можно получить от 400 до 500 руб., каковые деньги также могут быть употреблены на ремонт дома», – сообщал 12 февраля 1910 г. известный нам Семен Моисеевич в очередном письме во врачебное отделение Енисейского губернского управления [15, л. 47].

Положительным образом ситуация с устройством участковой больницы в пожертвованном К.С. Колобовой доме не разрешилась и в 1911 г. Так, в августе 1911 г. купеческая вдова в письменном обращении к Крестьянскому начальнику 4-го участка Минусинского уезда просила уточнить судьбу своего пожертвования. «Теперь уже истекло шесть лет со дня совершения дарственной, а между тем мне до сих пор ничего неизвестно – принят ли мой дар или прием его отклонен», – пыталась узнать у местных властей К.С. Колобова [15, л. 53]. Только в январе 1912 г. Енисейским губернским управлением было возбуждено ходатайство перед Иркутским Генерал-губернатором об ассигновании необходимых 8 229 руб. 66 коп. для ремонта и приспособления дома, пожертвованного К.С. Колобовой под лечебницу 4-го участка Минусинского уезда [15, л. 59 об.]. Кроме того, нужно учесть, что на 1912 г., по мнению Строительного отделения губернского управления, указанной суммы, утвержденной по смете 1908 г. для устройства сельской лечебницы в с. Каратузском, было достаточно при условии «ведения работ хозяйственным способом» [15, л. 59–59 об.]. Летом 1912 г. врачебное отделение Енисейского губернского управления

просит остаток от содержания сельско-врачебной части в трехлетие 1909–1911 гг. в размере 6 503 руб. 37 коп. перевести в счет исчисленных и разрешенных к расходу 8 229 руб. 66 коп. на ремонт и приспособление дома К.С. Колобовой под лечебницу 4-го участка Минусинского уезда Енисейской губернии [15, л. 66].

Представленный нами сюжет женской благотворительности купеческой вдовы Клавдии Степановны Колобовой весьма наглядно демонстрирует, что порой в вопросах филантропической деятельности на сибирских окраинах требовались недюжинная настойчивость, упорство и терпение со стороны благодетельницы и одного акта пожертвования было весьма недостаточно. Так, в случае минусинской благотворительницы потребовалось долгих 7 лет томительного ожидания и переписки. Нередко от меценатов и благотворителей дореволюционной России, в том числе и женщин-филантропов, требовался крепкий характер и неимоверное желание доводить начатое дело благотворения до успешного результата.

В милосердном служении среди благодетельниц Енисейской губернии весьма преуспела Улита Федоровна Токарева – супруга общеизвестного красноярского купца-золотопромышленника, потомственного почетного гражданина И.И. Токарева. Он неоднократно избирался Красноярским Городским Головой, исполнял обязанности старосты Красноярского кафедрального Богородице-Рождественского собора в 1877–1885 гг.

Наряду с общественно значимой деятельностью И.И. Токарева заметный след в истории губернского города оставили и благодеяния его жены. Так, в 1893 г. вдова, потомственная почетная гражданка оказала неоценимую помощь городскому обществу в вопросе организации Красноярской санитарной станции, учрежденной городской думой в 1892 г. [16, л. 45]. Для ее устройства Улита Федоровна пожертвовала городу «место земли с находящимся на нем деревянным двухэтажным домом и другими надворными постройками» [16, л. 1]. Благотворительная инициатива У.Ф. Токаревой получила глубокую признательность со стороны Красноярского Городского Головы, по мнению которого, «дом с землею, расположенный по Покровскому переулку за рч. Качею» как нельзя более соответствовал деятельности санитарной станции [16, л. 3].

Благодеяния потомственной почетной гражданки продолжило завещание в пользу губернского города Енисейской губернии трех принадлежащих ей золото-содержащих приисков, находившихся в Нижнеудинском округе Иркутской губернии. Здесь У.Ф. Токарева владела Амурским, Александровским и Иоанно-Предтеченским приисками, которые в 1893 г. были переданы в аренду до окончательной выработки промысла на средства арендаторов. Однако один из арендаторов умер, а «компаньон», ввиду «неимения денежных средств», «не поставил работ на арендуемых им промыслах» [17, л. 7]. В августе 1895 г. Улита Федоровна подала прошение в Приказ общественного призрения Енисейской губернии о пожертвовании своих золотодобывающих предприятий «на устройство домовых церквей при Красноярских богоугодных заведениях» [17, л. 7]. По оценке окружного инженера Бирюсинского горного округа, пожертвованные У.Ф. Тока-

ревой прииски были убыточны, помимо того, из трех золотодобывающих предприятий фактически работали только два: Александровский и Амурский [17, л. 7].

В октябре 1895 г., узнав, что пожертвованные ею прииски «не одобрены инженером», Улита Федоровна попросила оставить свое прошение «пожертвовать три, находящихся в Нижнеудинском округе, прииска» без рассмотрения и последствий. При этом она сообщала следующее: «... что же касается пожертвования на построение церкви, то таковое будет сделано мною наличными деньгами» [17, л. 7]. В августе 1896 г. «исполняя свое обещание» У.Ф. Токарева пожертвовала в пользу Приказа общественного призрения Енисейской губернии 300 руб. на устройство церкви при богоугодных заведениях в г. Красноярске.

Следует упомянуть, что «в суммах общественного призрения на устройство церкви при Красноярских богоугодных заведениях» уже состоял особый капитал. Его размер немного превышал 1021 руб. и был образован ценными бумагами на сумму 1000 руб., полученными от известной иркутской благотворительницы Ю.И. Базановой, и денежными средствами на сумму немногим более 21 руб. [17, л. 11–12]. Пожертвованные деньгами 300 руб. У.Ф. Токаревой были причислены к данному особому капиталу согласно резолюции Енисейского губернского управления.

Представленный случай соединения частных благотворительных сил У.Ф. Токаревой и Ю.И. Базановой на ниве церковной благотворительности был далеко не единственный. Так, в марте 1901 г. Улита Федоровна пожертвовала капитал в размере 10 500 руб., который состоял из ценных бумаг на сумму 10 000 руб. и 500 руб. наличными деньгами. Данные средства предназначались «на постройку церкви при Красноярской городской больнице в память выздоровления от тяжкого недуга Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича». У.Ф. Токарева поставила одно условие: «чтобы упомянутая церковь была выстроена во имя Святителя и Чудотворца Николая, и чтобы в церкви этой при совершении Божественной Литургии поминалось о здравии Иулиты и о упокоении Иоанна (мужа жертвовательницы), а после ее смерти о упокоении рабов божьих Иоанна и Иулиты» [18, л. 3].

На постройку храма был составлен проект, заложено здание, а в 1903 г. кирпичный корпус храма был «совершенно окончен». Однако местные власти рассудили, что ввиду «сравнительно значительной пожертвованной суммы ограничиться постройкой церкви в размере часовни» было не вполне рациональным. Было решено составить план «на церковь вместимостью на 250 человек», что повлекло за собой «некоторые добавочные работы», кроме того, «... за материалы и работу пришлось платить дороже» [18, л. 42]. В результате капитала, пожертвованного Улитой Федоровной на постройку церкви, оказалось «недостаточно» и для окончания строительства «потребуется еще до шести тысяч рублей». Енисейский губернатор обратился к Юлии Ивановне Базановой «как известной и отзывчивой благотворительнице» с просьбой «не отказать в участии достроить храм» [18, л. 42 об.]. Кроме того, силами церковного старосты «вновь строящейся церкви

при Красноярской городской больнице» г. Кондратьевым осуществлялся сбор пожертвований на завершение ее строительства. Так, в июле 1903 г. им было собрано 120 руб., в августе 1903 г. – 105 руб. [18, лл. 47, 49].

Токарева прославила себя не только на ниве церковной благотворительности. Так, согласно духовному завещанию Улиты Федоровны, утвержденному к исполнению Красноярским окружным судом 5 июля 1901 г., в Красноярскую городскую управу было передано пожертвование процентными бумагами в размере 4 тыс. руб. в качестве неприкосновенного капитала [19, л. 11]. Проценты с него по распоряжению городской думы делились поровну, при этом одна часть «употреблялась на вспомоществование бедным жителям г. Красноярска при несчастных случаях: от пожара, наводнения, неурожая и др.». Полученная сумма процентов записывалась на особый счет расходного капитала, пособия из которого выдавались по постановлениям городской управы [19, л. 11 об.]. Другая половина предназначалась для ежегодной раздачи к праздникам Рождества Христова и Св. Пасхи «в пособие бедным и сиротам без различия сословий», которая по решению городской управы передавалась в пользу Синельниковского благотворительного общества [19, л. 11–11 об.].

Кроме того, в Красноярскую городскую думу по завещанию У.Ф. Токаревой был внесен процентными бумагами неприкосновенный капитал в размере 400 руб., проценты с которого «ежегодно употреблялись на улучшение пищи для больных в Красноярской городской больнице к праздникам Рождества Христова и Св. Пасхи» [19, л. 11 об.].

Своими пожертвованиями У.Ф. Токарева поддерживала деятельность благотворительных заведений губернского города. Для Красноярского сиропитательного дома г. Щеголевой она выделила процентными бумагами 3 тыс. руб. на выплату стипендии «в пользу круглой сироты без различия сословий». Постановлением Красноярской городской думы пожертвованные средства были записаны «в неприкосновенный капитал сего дома» [19, л. 11 об.]. Помимо крупных пожертвований в пользу нуждающихся, Улита Федоровна, как и упомянутая нами ранее К.С. Колобова, нередко оказывала посильную благотворительную помощь Красноярскому приюту арестантских детей. Так, в его пользу в 1897 г. она пожертвовала 15 руб. взамен визитов по случаю праздника Рождества Христова и 5 руб. взамен визитов по случаю праздников Св. Пасхи [20, лл. 4 об., 24].

Следует подчеркнуть, что на ниве благотворительной деятельности в Енисейской губернии проявили себя не только женщины-филантропы из купеческого сословия. Весьма приличные пожертвования на социальные нужды сибирской провинции выделяли и благотельницы из других сословных групп. Так, в 1901 г. в пользу Канской городской думы был пожертвован по духовному завещанию мещанки Татьяны Качаловой вечный вклад в размере 1000 руб. Процент с него предназначался на содержание одного лица в приюте при кладбищенском доме [21, л. 3]. Однако с суммой вклада, завещанного Качаловой, вышла весьма курьезная ситуация – оказалось, что его сумма на банковском счете составляет 1500 руб. [21, л. 8–8 об.]. Прояснить ситуацию смог душеприказчик завещательницы, ир-

кутский священник Федор Верномудров. Он сообщил Канскому городскому общественному управлению следующее: «по завещанию Качаловой назначена была одна тысяча рублей по расчету, если дом завещательницы будет продан за семь тысяч рублей, а так как означенный дом продан дороже в полтора раза, то и расчет сделан был в полторы тысячи рублей» [21, л. 11-11 об.]. Этим и объяснялась разница размера вклада по завещанию и его фактической суммой в Иркутском отделении государственного банка.

10 апреля 1913 г. в г. Иркутске умерла канская мещанка Евдокия Севастьяновна Турова. Она завещала в собственность г. Канска вклад в размере 3000 руб. На проценты с него должно было осуществляться содержание ночлежного дома и богадельни для призрения бедных [22, л. 1].

Заключение. Приведенные в нашей статье факты женской благотворительности позволяют сделать вывод о высоком значении филантропической деятельности в судьбе женщин Енисейской губернии и о существенном влиянии благотворительности на их социальный статус. Зачастую женщины из купеческого сословия осуществляли благотворительную миссию на сибирских окраинах совместно со своими супругами, а после их кончины продолжали семейные традиции щедрых пожертвований вместе с детьми, которые всецело поддерживали начинания матерей на поприще милосердного служения. Широкая благотворительность являлась одной из ценных традиций большей части купеческих семей провинциальной Сибири в конце XIX – начале XX в. Однако благотворение среди женского социума Енисейской губернии было присуще не только местному купечеству, весьма щедрые пожертвования выделяли представительницы и других сословий.

Филантропия сибирячек охватывала многочисленные объекты благотворения, а потенциал женской благотворительности находил обширное поле для ее отправления на ниве социокультурного преобразования региона. В первую очередь женщины – благотворительницы Енисейской губернии стремились вкладыв-

ать солидные пожертвования в социально значимые объекты благотворения (ночлежные дома, детские приюты, богадельни, лечебницы, санитарные станции и пр.), проявляя тем самым в добродетели свое женское и материнское начало. Помимо того, провинциальные сибирские благотворительницы нередко состояли в различных благотворительных обществах, главной целью которых являлось социальное попечение нуждающихся региона. На наш взгляд, участие женщин-филантропов в разрешении многочисленных социальных вопросов сибирских окраин посредством филантропической деятельности позволяет сделать вывод о широком размахе женской благотворительности в Енисейской губернии. Кроме того, весьма солидный размер пожертвований сибирских благотворительниц на поприще социального попечения наглядно демонстрирует и широкий масштаб женской благотворительности в регионе.

Типичной чертой филантропической деятельности женщин Енисейской губернии являлось их высокое стремление к церковной благотворительности. Внушительные пожертвования в пользу Русской православной церкви получили широкое распространение в женской части населения сибирской провинции и занимали ведущие позиции в структуре благотворительной деятельности женщин-филантропов Енисейской губернии.

Сложно утверждать, что благодаря филантропической деятельности женщин Енисейской губернии удалось разрешить все насущные проблемы местного уровня, но общественные позиции и потенциальные ресурсы благотворительности женского социума в Сибири в конце XIX – начале XX в. были достаточно сильны. На наш взгляд, особо стоит отметить высокое стремление сибирячек к благотворительной деятельности, учитывая многочисленные трудности и препятствия, с которыми при этом приходилось сталкиваться в дореволюционной России. Женщины-филантропы могли многое преодолеть в своем желании милосердного служения во благо ближнего, и благодаря их усилиям, терпению и настойчивости нередко удавалось достичь значительных результатов в деле социально-культурного развития сибирских окраин.

Литература

1. Михайлов М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе. СПб: Издание П.А. Картавова, 1903. 245 с. [Электронный ресурс]. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003714627?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения 05.05.2025 г.).
2. Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи. Два этюда по женскому вопросу. М.: Издание П.Д. Путиловой (Тип. Г. Лисснера и Д. Совко), 1905. 101 с. [Электронный ресурс]. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008887813?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения 07.05.2025 г.).
3. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892. 720 с. [Электронный ресурс]. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003632412?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения 07.05.2025 г.).
4. Бакай Н.Н. Двадцатипятилетие Красноярской губернской гимназии (1868-1893 г.). Красноярск: Типография Е.Ф. Кудрявцева, 1893. 133 с. [Электронный ресурс]. <http://pdfview.tonb.ru:8088/Default.aspx?bd=EI&mfn=1753> (дата обращения 08.05.2025 г.).
5. Головачев П. Исторический очерк женского образования в Сибири // Сибирская жизнь. 1898. № 234. С.2. [Электронный ресурс]. <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-2314/> (дата обращения 04.05.2025 г.).
6. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. февр.1917 г.). автореферат дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1991. 37 с. [Электронный ресурс]. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000759259?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения 07.05.2025 г.).
7. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. Конец XVIII – начало XX века: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Москва, 2006. 268 с.
8. Ульянова Г.Н. Новейшая американская историография российской благотворительности // Отечественная история. 1995. № 1. С. 108-118.
9. Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей (вторая половина XIX – начало XX вв.). Красноярск: Кн. изд-во, 1995. 160 с.

10. Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Издательство СО РАН, филиал «Гео», 2000. 212 с.
11. Дolidovich О.М. Женское движение в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Красноярск: гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2006. 23 с.
12. Дело о сборе пожертвований в губернии // Государственный архив Красноярского края. Ф. 141. Оп. 1. Д. 132.
13. Минусинский окружной суд // Архив города Минусинска. Ф. 81. Оп. 1. Д. 3153.
14. Переписка Минусинского городского головы, Иркутского военного генерал-губернатора, товарища министра внутренних дел с Енисейским губернатором о пожертвовании Даниловым В.А. и Колобовой К.С. 1800 рублей г. Минусинску // Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 18. Д. 526.
15. Планы здания, смета на ремонт здания, пожертвованного купчихой Колобовой для больницы в селе Каратуз Минусинского уезда // Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 23. Д. 136.
16. Дело о пожертвовании дома для санитарной станции гражданкой Токаревой Иулитой // Государственный архив Красноярского края. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1762.
17. О пожертвовании потомственной почетною гражданкой Иулитой Токаревой, трех золотосодержащих приисков на устройство при Красноярских богоугодных заведениях домово́й церкви // Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 49. Д. 1160.
18. Дело о постройке церкви при Красноярской городской больнице на деньги, пожертвованные потомственной почетной гражданкой города Красноярска Иулитой Исидоровной Токаревой // Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 48. Д. 399.
19. Дело о пожертвовании Токаревой Иулитой Сидоровной 4400 рублей на благотворительные цели // Государственный архив Красноярского края. Ф. 161. Оп. 2. Д. 2279.
20. Списки лиц, пожертвовавших деньги в помощь приюта // Государственный архив Красноярского края. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300.
21. Дело о пожертвовании 1000 рублей Канской городской думе мещанкой Качаловой Татьяной // Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 18. Д. 792.
22. О принятии г. Канском 3000р пожертвованных городу по завещанию Канской мещанской Евдакии Севастьяновой Туровой // Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 35. Д. 906.
- source]. <http://pdfview.tonb.ru:8088/Default.aspx?bd=EI&mfn=1753> (date of address 08.05.2025).
5. Golovachev P.A. historical sketch of women's education in Siberia // Siberian Life. 1898. No. 234. p.2. [Electronic resource]. <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-2314/> (date of address 04.05.2025).
6. Skubnevsky V.A. Workers of the manufacturing industry of Siberia (90s of the XIX century. February 1917). abstract of the dissertation. ... Doctor of Historical Sciences: 07.00.02. Tomsk: Tomsk Publishing House. University, 1991. 37 p. [Electronic resource]. <https://viewer.rsl.ru/rsl01000759259?page=1&rotate=0&theme=white> (date of address 07.05.2025).
7. Ulyanova G.N. Charity in the Russian Empire. The end of the XVIII – beginning of the XX century. Dis. ... Doctor of Historical Sciences: 07.00.02. Moscow, 2006. 268 p.
8. Ulyanova G.N. The latest American historiography of Russian charity // Russian history. 1995. No. 1. pp. 108-118.
9. Meshalkin P.N. Patronage and charity of Siberian merchant entrepreneurs (the second half of the XIX – early XX centuries). Krasnoyarsk: Publishing house, 1995. 160 p.
10. Bochanova G.A., Goryushkin L.M., Nozdryn G.A. Essays on the history of charity in Siberia in the second half of the 19th – early 20th century. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Geo, 2000. 212 p.
11. Dolidovich O.M. The women's movement in Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. abstract of the dissertation. ...Candidate of Historical Sciences: 07.00.02. Krasnoyarsk State Pedagogical University V.P. Astafiev University. Krasnoyarsk, 2006. 23 p.
12. The case of collecting donations in the province // State Archive of the Krasnoyarsk Territory. F. 141. Op. 1. D. 132.
13. Minusinsk District Court // Archive of the city of Minusinsk. F. 81. Op. 1. D. 3153.
14. Correspondence of the Minusinsk mayor, Irkutsk military Governor-General, Comrade the Minister of Internal Affairs with the Yenisei Governor on the donation of 1800 rubles by Danilov V.A. and Kolobova K.S. to Minusinsk // The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. F. 595. Op. 18. D. 526.
15. Building plans, estimates for the repair of the building donated by merchant Kolobova for a hospital in the village of Karatuz, Minusinsk district // The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. F. 595. Op. 23. D. 136.
16. The case of donating a house for sanitary stations of the citizen Tokareva and Nikita // The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. F. 161. Op. 2. D. 1762.
17. On the donation by the hereditary honorary citizen Iulita Tokareva of three gold-bearing mines for the establishment of a house church at the Krasnoyarsk charitable institutions // State Archive of the Krasnoyarsk Territory. F. 595. Op. 49. D. 1160.
18. The case of the construction of a church at the Krasnoyarsk city hospital with money donated by the hereditary honorary citizen of the city of Krasnoyarsk Iulita Isidorovna Tokareva // The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. F. 595. Op. 48. D. 399.
19. The case of Tokareva and Nikita Sidorovna's donation of 4,400 rubles for charitable purposes // The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. F. 161. Op. 2. D. 2279.
20. Lists of persons who donated money to help the shelter // State Archive of the Krasnoyarsk Territory. F. 32. Op. 1. D. 300.
21. The case of the donation of 1,000 rubles to the Kansk City Duma by Tatyana meshchanka Kachalova // The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. F. 595. Op. 18. D. 792.
22. On the acceptance of the city of Kansk 3000r donated to the city according to the will of the Kansk bourgeois Evdokia Sevastyanova Turova // The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. F. 595. Op. 35. D. 906.

References

1. Mikhailov M.L. Women, their upbringing and importance in the family and society. St. Petersburg: Edition by P.A. Kartavov, 1903. 245 p. [Electronic resource]. <https://viewer.rsl.ru/rsl01003714627?page=1&rotate=0&theme=white> (date of address 05.05.2025).
2. Khvostov V.M. A woman on the eve of a new era. Two studies on the women's issue. Moscow: Edition by P.D. Putilova (Type by G. Lissner and D. Sovko), 1905. 101 p. [electronic resource]. <https://viewer.rsl.ru/rsl01008887813?page=1&rotate=0&theme=white> (date of address 07.05.2025).
3. Yadrintsev N.M. Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. St. Petersburg: Edition of I.M. Sibiryakov, 1892. 720 p. [Electronic resource]. <https://viewer.rsl.ru/rsl01003632412?page=1&rotate=0&theme=white> (date of address 07.05.2025).
4. Bakai N.N. The twenty-fifth anniversary of the Krasnoyarsk provincial Gymnasium (1868-1893). Krasnoyarsk: Printing house of E.F. Kudryavtsev, 1893. 133 p. [Electronic resource].